ОТЗЫВ

официального оппонента
на диссертацию Прус Ирины Владимировны
«Дискурсивные стратегии, практики соучастия и технологии изменения себя в антиэйджистских веб-сообществах»,
представленную к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография

Положение ребенка в обществе и его социальное самочувствие обеспечиваются не только институтами и формами взаимодействия детей и взрослых, но и глубоко встроены в язык, который определяет место возрастных групп в социальной структуре через речевые практики, способы их трансляции и формы контроля. Проблема социального осмысления возрастных различий рассматривается в диссертации И. В. Прус сквозь призму формирования и динамики дискурса антиэйджистских веб-сообществ в русскоязычном сегменте интернета.

Тема и проблематика исследования относятся к остро актуальным, прежде всего, потому, что детей в современном обществе во многом воспитывает и образовывает интернет, особенно в обстоятельствах постоянного и малоэффективного реформирования соответствующих институтов. Важно, в каких веб-сообществах и почему участвуют дети, какие возможности и риски связаны с социализацией в этих сообществах.

Культурно детерминированное переживание возрастных различий, стремление преодолеть предписанные статусы проявляются в различных, часто лишь внешне противоположных тенденциях – индикаторах актуальных социальных проблем.Наряду с широко обсуждаемымсейчас процессом инфантилизации «молодежи», считающей своим правом не нести ответственности за собственное жизнеобеспечение и как можно дольше оставаться под опекой родителей, сохраняются вполне традиционные эмансипаторские установки и протестные практики детей и подростков.

Диссертация И. В. Прус новационна не только потому, что является первым исследованием антиэйджистскихрусскоязычных сообществ несовершеннолетних. В ней применен нестандартный для антропологии детства подход, при котором, в частности, устанавливаются аналогии между академическим, политическим дискурсами о детях и автоописаниями самих «дискриминируемых», и все эти языки рассматриваются в широком контексте проблем влияния гуманитарного знания на «социальное

воображаемое» детей и подростков и на формирование «низовой социальной критики».

Большими достоинствами диссертации являются ее концептуальность, теоретическая и методологическая основательность, широкий охват направлений гуманитарного знания с акцентом на интеллектуальных контекстах антиэйджистского дискурса.Работа опирается как на труды собственно по антропологии детства, так и нафилософско-антропологические и политико-антропологические теории, «новую социологию детства», исследования в области цифровой антропологии и др.

Проблемное поле диссертации очерчено ясно, цель и задачи формулируются четко, как и положения, вынесенные на защиту.

Эмпирическую базу составилиматериалы полевого исследования, представительный архив публикаций, собранный в процессе работы(свыше 7 тыс. записей 4-х веб-сообществ), а также дополнительные архивные и опубликованные источники, законодательные акты, специальная литература.

Методика исследования глубоко продумана, разработана и подкреплена теоретически.Она включалаприменяемые в цифровой антропологии полевые методы: соучаствующее (включенное) наблюдение, которое предполагает общение с участниками в группах и пабликах, и интервьюирование активных участников и администраторов веб-сообществ. Работа сфокусированана ключевом понятии, определяющем горизонт полевого исследования.В частности, инициирующую роль в беседе выполняло предложение «поговорить об антиэйджизме». Предметом разговора стали иматериалы диссертации, с которыми были ознакомлены участники, что имело образовательное значение.

Текст диссертации выстроен в соответствии с обоснованной авторской логикой. В четырех главах последовательно рассматриваются технологические и социально-культурные условия становления антиэйджистского дискурса в их динамике на материале четырех групп и пабликов (глава 1), анализируются дискурсивные стратегии в веб-сообществах (глава 2), исторический и интеллектуальный контексты антиэйджистских теорий (глава 3), автобиографические нарративы, в которых артикулируется процесс становлениями «деконструкции» антиэйджиста, демонстрируются техника «производства себя» и проявляется трансформация отношений между антропологом и информантами (глава 4).

Авторские интерпретации, положения имеют развернутую аргументацию, подтверждаются текстами и данными наблюдений.

Последовательное использование методики способствовалореконструкции идеального типа изолированной группы,

замкнутой внутри своих пабликов и находящейся вне культурных контекстов, которые предлагают альтернативные психотерапевтическому и политическому сценарии поведения, интерпретации, технологии самонаблюдения. В диссертации хорошо показано, как антиэйджистский дискурс становится и способом самоидентификации, и универсальной объяснительной моделью для очень разных социальных явлений: насилия в семье, непрофессионализма педагогов, фактов девиантного поведения, третирования учениками не нравящихся им учителей, родительской опеки и много другого.

В высшей степени содержательная диссертация вызывает немало вопросов вот некоторыеиз них.

1 Для обозначения субъекта высказываний – тех, кто говорит от лица «детей», – в диссертации наряду с номинациями «авторы-антиэйджисты» и «участники» используются «молодежь и школьники», «несовершеннолетние и молодые люди» (разнопорядковые понятия), «дети и подростки». Если в изучаемом и других научных и общественных дискурсах они могут по-разному употребляться, объединяться, разграничиваться, то в тексте конкретного исследования нужныавторская интерпретация и операционализацияпонятий. Означает ли их отсутствие, что в контексте эйджизма и антиэйджизмарелевантна только пара признаков старший / младший? В таком случае как определяются понятия «детский взгляд на мир» или «детская тема»?

2Не до конца ясно, что понимается под «культурной и исторической спецификой дискурса» в данном случае.Понятия «эйджизм» и «антиэйджизм»,антиэйджистские сообщества как «фрагмент современности» обладают значительно меньшей «исторической глубиной», чем питающие их дискурсы, коренящиеся в культуре и языке. Среди агентов дискурсивного (историко-культурного) влияния на риторику и идеологию антиэйджизма в работе обоснованно выделяются современные феминистский, психоаналитический и политический дискурсы. Вместе с тем культурные обусловленности более глубоки и разнообразны, особенно если отодвинуть нижнюю хронологическую границу за рамки 1970-х гг. и обратиться к культурно-языковым основаниям дискурса. На риторику русскоязычных текстов об угнетаемых и страдающих в семье и обществе детях исторически влияла русская литература и XIX-начала XX вв., обладавшая значительным социально-критическим потенциалом, и советская, в том числе детская. Она широко тиражировалась, читалась и отчасти продолжает читаться с развитием мультимедийной культуры. Этот фактор, который вряд ли может

включаться в понятие «произведения культурной индустрии», заслуживает упоминания, даже если его действие не выражено.

3 Рассматривая «борьбу за равноправие детей» и как деятельность, имеющую социально-политическое обоснование, и как «дискурсивный проект», не стоит отказывать этим явлениям в наличии истории, отталкиваясь лишь от моментов создания академического дискурса, соответствующей терминологии и веб-сообществ. Так, в раннесоветской истории был не самый удачный опыт деятельного подросткового активизма, «самоуправления», дискурсивно сопряженный и с анархистской, и с официальной политической риторикой борьбы «с угнетением» «за равенство», и с социальной критикой неэффективности государственных реформ. Этот опыт отражен в научной и художественной литературе. Концептуальные основания юных борцов за равноправие в начале 1920-х гг. включали категоризацию и «прав», и «обязанностей» – в отличие и от американских, и от новых русскоязычных антиэйджистов, как позволяет о них судить диссертация (с. 146 –147).

4Вработе неоднократно используется понятие «антиэйджистский проект». Кто является субъектом «проектной» деятельности: некий коллектив, инициаторы его создания, микрогруппа активистов, участники, обладающие наибольшими языковыми и литературными компетенциями? Влияние феминистского, психоаналитического и политических дискурсов на антиэйджистский дискурс представлено достаточно убедительно для того, чтобы задаться вопросом: это вернакулярная практика или заимствованные технологии? Думается, для ответа на него недостаточно данных. Во-первых, можно только предполагать, что культуротворческая роль принадлежит руководителям групп и активистам, которые чаще других высказываются. Во-вторых, поскольку дискурс – речевая практика, то показать «преобразующую» деятельность субъекта можно лишь с привлечением филологических методов анализа. В этой связи не кажется корректным утверждение, что антиэйджистский дискурс «создан с нуля». На «нулевой»отметке находилось новое ёмкое понятие, заменившее «борьбу с дискриминацией по возрасту».

В целом, обладающие большой научной ценностью материалы и результаты диссертации И. В. Прус представляют новый виток истории универсального конфликта «отцов и детей», который воспроизводится каждым поколением в меняющихся социально-культурных контекстах и постоянно пересобирается и переартикулируется, сейчас ужев киберпространстве.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

Диссертационное исследованиеИ. В. Прус «Дискурсивные стратегии, практики соучастия и технологии изменения себя в антиэйджистских веб-сообществах», представленное к защите на соискание ученой степени канд. ист. наук по спец. 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции от 1 октября 2018 г.); оно вносит вклад в антропологию детства, цифровую антропологию, антропологию знания,содержит решение актуальной научной задачи и новые материалы, перспективно для практического использования; работа обладает внутренним единством, свидетельствует о личном вкладе автора в науку; предложенные положения аргументированы, основные результаты опубликованы в 9 научных статьях, в том числе 4 в рецензируемых периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Ирина Владимировна Прус заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук (07.00.07)
главный научный сотрудник
Центр гуманитарных исследований ФГБУН Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»,
184209, Мурманскаяобласт, г. Апатиты, мкр. Академгородок, д. 40А
Тел. 8-81555-79440; e-mail: i.razumova@ksc.ru

Разумова Ирина Алексеевна

26.10.2026 г.

Подпись Разумовой Ирины Алексеевны заверяю.
начальник отдела кадров ФИЦ КНЦ РАН
26.10.2026